

ВЕРНОСТЬ ПРОФЕССИИ

LOYALTY TO THE PROFESSION

День дефектологии. 2024. № 2

Day of Defectology, 2024, no. 2

Посвящается юбилею Оганеса Карапетовича Агавеляна

Интервью с профессором

Летом этого года Оганес Карапетович Агавелян, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры коррекционной педагогики и психологии Института детства ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет», лауреат Золотой медали Европейской научно-промышленной палаты (EU), руководитель научной школы НГПУ «Феноменология общения в специальной педагогике и психологии», отметил свой 80-летний юбилей (рис. 1).

Рис. 1. Оганес Карапетович Агавелян

Он родился 8 августа 1944 года в Ереване не один, а в паре с братом Давидом в интеллигентной семье Мариам Геворковны Овсепян (1905–1993 гг.), медицинско-го работника (рис. 2) и Карапета Давидовича Агавеляна (1895–1975 гг.), бухгалтера и очень креативного человека, талантливого математика. В семье было трое детей (Рудольф, Давид, Оганес) (рис. 3, 4).

Рис. 2. Мариам Геворковна Овсепян (1905–1993 гг.)

Рис. 3. Братья Давид, Рудольф, Оганес

Старший брат – Рудольф – военный авиатор, служил в Магадане, на Украине, трагически погиб в Армении в 1980 г., когда ему было 39 лет, он должен был стать генералом... (рис. 3).

Рис. 4. Семья Оганеса Карапетовича (слева направо: Оганес Карапетович, Карапет Давидович (1895–1975), Давид Карапетович, Мариам Геворковна, сзади стоит Рудольф Карапетович (1940–1980))

Семья формирует личность человека. Доброта, уважение, щедрость, бережное отношение друг к другу дарили своим детям Мариам Геворковна и Карапет Давидович. Это были люди, которые помогали родным и знакомым, чем могли. Карапет Давидович во дворе своего многоквартирного дома создал сад, заказав предварительно 20 машин земли, посадил и выращивал цветы, которые срезал каждый год 1 сентября и вручал детям со всей округи совершенно бесплатно, а ребята дарили их своим учителям... Небольшое пространство этого сада существует до сих пор...

Когда ребенок живет в атмосфере теплоты человеческих отношений, уважения и заботы, царящих в семье, он не может не вобрать в себя эти качества. История семьи многое объясняет и в характере самого Оганеса Карапетовича, вечно спешащего на помощь не только своим родным и близким, друзьям, студентам, аспирантам, но и людям не очень знакомым, но в данный момент нуждающимся в поддержке. Память о своих родителях Оганес Карапетович бережно хранит всю жизнь, ощущая и сегодня их значение в собственной жизни.

По словам Оганеса Карапетовича, детство было голодное, но очень дружное: не было велосипеда «Орленок», но были самокаты, которые очень любили ребята, гремели на них по всем улицам и завидовали всем тем, у которых были велосипеды «Орленок», а потом – «Школьник». Школу свою Оганес Карапетович любил и любит до сих пор. Во дворе этой школы сейчас кафе, и когда он приезжает в Ереван, вместе с братом идет в это кафе, они садятся и смотрят на здание школы, в которой когда-то бегали, учились, и получают от этого эстетическое удовольствие. «Учителя наши все были чудесные, хорошие люди, бывшие фронтовики. Они, может быть, были не очень знающие люди, но были очень человеческие, по-человечески они были богоподобные люди, они очень любили детей, любили жизнь. Они нас, конечно,

обучали, может, не очень качественно, но они нас обучали жизни очень качественно – вот это очень важная вещь, на самом деле. Но потом, так молодость быстро проскочила в заботах-хлопотах, всяких там, мелких делах. У нас был собственный дом. Надо было поливать огород, надо было пропалывать. Этот ранний труд установил для меня связь с землей, с природой, я стал как бы качественнее, хотя я был пацан, конечно, еще тот... Бедная моя мать по ночам ждала своего сына, чтобы он домой пришел. А я любил ходить по улицам, общаться с людьми, ходить на всякие тусовки. В те годы молодые люди не пили и не курили. Это потом курить меня научили. Мы любили ходить по кинотеатрам, где были огромные очереди, чтобы купить билет, надо было пролезть через спекулянтов. Мы все фильмы пересмотрели, которые были в те годы, наши советские и зарубежные, но жили не по тем фильмам, а по тем потребностям, которые у нас были. Незаметно окончили школу... Я не знал, куда идти... Что-то надо делать... Вот когда была школа, это значит тебе надо идти в школу. Брат Давид поступил в политехнический (рис. 5),

Рис. 5. С братом Давидом Карапетовичем (слева), Давид Карапетович – инженер-механик, работал конструктором, Оганес Карапетович – справа (60-е гг.)

а я поступил на филфак, но недолго проучился – года полтора. Там были все будущие диссиденты армянские, все будущие поэты удачные, поэты-неудачники, драматурги, была тусовка своя, в которую я был вхож, но не очень понимал... Потом мне надоело это обучение, решил в медицину пойти, пошел, и все хорошо, но потом это дело бросил, что-то не стало нравиться... А потом решил поступать в театральный и прошел два конкурса, а на третьем конкурсе меня остановили и сказали: «У Вас дефект речи!». Как я потом выяснил: у меня был боковой сигматизм, который до сих пор не исправлен (смеется). А я после филфака еще пошел в военкомат: «Вы меня в армию возьмите!». «Как в армию? Сам хочешь?» «Да! А что такого?». Меня забрали в армию. Служил я в Астаре – это Иранская граница. Место неплохое, но очень

жаркое, очень насыщенное парами болот астанинских. Я там был недолго – что-то сердце прихватило и меня комиссовали. После этого я вернулся домой, пришел к отцу: «Папа, надо ехать в Москву поступать». Отец сказал: «Езжай, куда хочешь!». Я хотел поступить на греческий язык и литературу, но не смог, не прошел конкурс, видно, был плохо обучен. А медицина меня все не оставляла в покое. Была у меня тетка Эсфирь Самойловна Жеребчевская, она говорит: «Я нашла один факультет, который очень похож на медицину. Это Дефектология». «Что? Какая логия?» «Дефектология» «Ну, ладно» – и вот я пошел в Московский педуниверситет имени В. И. Ленина тогда поступать на дефектологию... и сдал все экзамены на пятерки. Потом меня вызвал к себе такой лет 50 человек, пожилой, тогда для меня это был пожилой человек, и сказал: «Вы не думайте, что если Вы поступили, будете хорошо учиться. Я Вас на первом же семестре выкину отсюда» «А что Вы так ко мне относитесь? Я, вообще-то, думаю учиться. Это же медицинская специальность?» Он говорит: «Не медицинская, эта специальность педагогическая» Я как-то: «Ну, ладно, поучимся, посмотрим...» А у нас в те годы была отдельная экспериментальная программа, медицины было полно: была общая патология, патология уха, горла, носа, одна патология была на первом курсе. В конце первого курса я сдал экзамен по истории и обучение и воспитание умственно отсталых детей». Оказывается, экзамен у меня принимал Хананий Самсонович Замский (рис. 6), который первые несколько дней

Рис. 6. Хананий Самсонович Замский (1913–1998) – советский ученый-дефектолог, кандидат педагогических наук, доцент. Автор свыше 70 научных работ, посвященных олигофренопедагогике, часть которых переведена на иностранные языки. Участник Великой Отечественной войны

угрожал меня выкинуть оттуда. Я ему сдал экзамен на отлично. Он говорит: «Оказывается, ты хорошо учишься, умеешь учиться!» В итоге, я хорошо учился и сдал Хананию Самоновичу. Он спросил: «Как ты сказал?». Я говорю: «Хананий Самсонович». Он: «Ты единственный, который правильно произносишь мое имя и отчество». Я «А как..я сам Оганес Карапетович». «А что тебя зовут все Ванек?» «Такое мое студенческое имя». Короче говоря, это были очень насыщенные годы. Я тогда стал много понимать. Детей этих полюбил: они хорошие детки, на самом деле. И тогда у меня были встречи с Борисом Моисеевичем Гриншпуном (рис. 7). Я его лекции по дислалии помню до сих пор. Лекция начиналась в 8 часов утра. Я был на этих лекциях все время, потому что так, как

Рис. 7. Борис Моисеевич Гриншпун (1929–1986), посвятил жизнь теории и практике логопедии

читал Борис Моисеевич, наверное, никто больше не читал лекции по дислалии. Он разбирал каждый звук. Мы каждый звук представляли себе образно. Те, кто прошли школу Бориса Моисеевича, те стали хорошими логопедами. И я стал хорошим логопедом, хотя я был олигофренопедагог. Потом я стал склоняться в большей степени в сторону олигофренопедагогики и олигофре-

нопсихологии, хотя олигофренопсихология в те годы мало продуцировала, в основном, была олигофренопедагогика. Мы учились всего 4 года, как ни странно. Я, когда оканчивал, написал Замскому письмо и сказал, что я «хочу поступить в аспирантуру к Вам, Хананий Самсонович!» и написал ему 12 тем, которые я думал разработать. Тогда студенты не писали ничего, статей, вообще, не было принято. Но я читал очень много книг. В библиотеках тогда книг было мало, я девушкам дарил шоколадки, и они давали мне на ночь книгу переписать. Я так переписал около 20 книг от руки. Короче говоря, мне нравилось учиться. И потом приехал в Ереван, на свою родину, естественно, а работы нет... Вспомогательных школ очень мало. Одну школу открыли где-то за городом, и там меня взяли воспитателем. Я рад был – работать надо. В этой школе я открыл логопедический кабинет, который потом прославился. В школе был министр наш, который это все увидел и пригласил меня работать в Министерство просвещения Армении. Я стал работать в министерстве инспектором в отделе школ-интернатов и детских домов.

Потом я понял, что систему надо расширять. И тогда я поступил в аспирантуру. Это очень долгий путь... Я поступил в аспирантуру в НИИ дефектологии. Я приехал, а тогда они очень не любили всех инспекторов, почему-то. Мне сказала Т. А. Власова (рис. 8) (тогда была директором института): «Сейчас посмотрим, как инспектор сдает экзамен». Я к экзамену серьезно готовился, потому что я читал все книги и т. д. Мне сказали: «Если поступите, то будете учиться у Марии Семёновны Певзнер» (рис. 9).

Рис. 8. Татьяна Александровна Власова (1905–1986), советский психолог и дефектолог, доктор психологических наук (1972), профессор (1976), академик АПН СССР (1982)

Когда я услышал «Певзнер», чуть не упал в обморок – это была такая величина! Я ночью достал ее книгу «Дети-олигофрены», и за две ночи я эту книгу пролистал еще раз. И была первая встреча: я сдал экзамен, а потом меня приняла Мария Семёновна: такая маленькая, шустренькая. Очень такая активная говорит: «Ты читал мою книгу «Дети-олигофрены»?». Я говорю: «Конечно, читал». «Тогда расскажи, чем она заканчивается?». Я говорю: «Заканчивается эпилогом (смеется)». Она говорит: «А серьезно?» Мы с автором книги поговорили. Она говорит: «Я тебя

Рис. 9. Мария Семёновна Певзнер (1901–1989), советский психиатр, психолог, дефектолог, кандидат медицинских наук, доктор педагогических наук, профессор (олигофренопсихолог)

беру в аспирантуру. Ты, видно, что реально читаешь». Я в те годы много читал очень. Я к чему говорю? Те, кто хотят идти в науку, надо читать, очень много читать. Иногда кажется, что это бесполезно. Бесполезных книг, вообще, не бывает. И так я попал в аспирантуру к Марии Семёновне Певзнер и стал учиться. И вот годы учебы, так совпало, что выдающиеся деятели науки были в активной своей фазе: и Татьяна

Всеволодовна Розанова (рис. 10) тогда была, и Жозефина Ильинична Шиф (рис. 11), и Вера Георгиевна Петрова (рис. 12), и Татьяна Александровна Власова, и Юрий Александрович Кулагин (рис. 13), и Георгий Митрофанович Дульнев (рис. 14)

Рис. 10. Татьяна Всеволодовна Розанова (1928–2007), один из ведущих советских психологов и дефектологов (сурдопсихолог), доктор психологических наук, профессор

Рис. 11. Жозефина Ильинична Шиф (1904–1978), ученый-психолог, дефектолог, профессор, доктор психологических наук (сурдопсихолог, олигофренопсихолог)

Рис. 12. Вера Георгиевна Петрова (1921–2011), доктор психологических наук, профессор, отличник народного образования, награждена медалью Ушинского Министерства образования РФ и РАО, лауреат премии Гранта Москвы в области гуманитарных наук (сурдопсихолог, олигофренопсихолог)

Рис. 13. Юрий Александрович Кулагин (1924–1987), советский ученый, психолог и дефектолог, доктор психологических наук, профессор, действительный член Академии педагогических наук СССР (тифлопсихолог). Участник Великой Отечественной войны

Рис. 14. Григорий Митрофанович Дульнев (1909–1972), олигофренопедагог. Учитель и директор школы, в 1939–41 декан дефектологического факультета МГПИД; с 1938 в научно-практическом институте специальных школ и детских домов (ныне Институт коррекционной педагогики). В результате психолого-педагогических исследований, проведенных им и под его руководством, выявлены пути совершенствования содержания и организации трудового обучения во вспомогательной школе

– мы с ними постоянно общались. На самом деле, когда я окончил аспирантуру, я защитил работу за два года. Работа называлась «Социально-трудова адаптация выпускников вспомогательной школы» ... Катамнез не очень качественно, нет социального охвата. Тогда, по совету Марии Семёновны, мы подошли к Алексею Александровичу Бодалёву (рис. 15).

Рис. 15. Алексей Александрович Бодалёв (1923–2014), советский и российский психолог, специалист по проблемам общения и нравственного развития, доктор психологических наук, профессор, действительный член АПН СССР, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Проблема общения очень заинтересовала, и я стал очень активно заниматься социальной психологией. Много читал по социальной психологии, ходил на лекции А. Р. Лурия (рис. 16).

Рис. 16. Александр Романович Лурия (1902–1977), советский психолог и врач-невролог, один из основателей нейропсихологии, сотрудник Л. С. Выготского и один из лидеров круга Выготского; доктор педагогических наук, доктор медицинских наук, профессор, действительный член Академии педагогических наук РСФСР и АПН СССР

Есть еще одна великая наука – общая психология, без которой дефектология может существовать, но не очень качественно. И мы вот так вышли на проблему общения.

После защиты кандидатской я вернулся в Ереван. Работая инспектором в Министерстве просвещения Армении, мы открывали много школ: школу для детей с детским церебральным параличом, со сколиозом, улучшили работу школы глухих, школы слепых, открыли четыре вспомогательных школы, много чего понаоткрывали. Мы создали медико-психолого-педагогическую комиссию, первую республиканскую. Было очень много организационных моментов, которые надо было решать. Тогда Министерство образования СССР очень нам помогало в этом вопросе. Приезжала Конюшкова, Мочихина, они нас обучали, как это все надо делать, т. е. было постоянное обучение. Потом пришло письмо Т. А. Власовой о том, что деятелей дефектологии по республикам надо обучать. Поэтому место мы и получили. Я работал завотделом Института педагогики года два, потом я перешел на работу в педуниверситет, вот и все. Там я занимался организационными делами, в основном. Научная деятельность была развернута через российские каналы. Это продолжалось лет 10–15. Я написал потом докторскую «Общение детей с нарушениями умственного развития» по проблеме взаимодействия, общения умственно отсталых выпускников, защитил ее. Вернулся в педуниверситет и стал преподавать. Создал там кафедру дефектологии, стал завкафедрой, потом создали еще две кафедры – логопедии и сурдопедагогики в педуниверситете. Потом я оттуда ушел, уехал уже в Россию, коллеги создали уже отдельный факультет дефектологический в педуниверситете.

А что было потом?

Когда произошло землетрясение в Армении, я был в Москве. Узнав, сразу приехал в Ереван.

Во время землетрясения я помогал американским психологам работать с этими детьми, потом я стал работать самостоятельно. Мы прошли интенсивные курсы

психотерапии с американскими психологами, я получил сертификат, как психолог, имеющий право работать в зоне землетрясения, имея сертификат американского общества психологов. Мы помогали детям через драматизацию, через рисунки, через действия, связанные с их воспоминаниями. Мы убирали эти воспоминания из эмоциональной памяти детей. Было много интересного, на самом деле. Тогда впервые я стал заниматься логотерапией по В. Франклу (рис. 17).

Тогда было очень много случаев заикания, детей со стрессовым заиканием. Я тогда около 40 детей вылечил от заикания по методу В. Франкла – логотерапии. За рубежом коллеги посмотрели мою работу и пригласили в Канаду проходить обучение и обучать канадских психологов по решению проблемы восстановления депрессивного состояния, пережитого во время землетрясения. Я жил и работал в Канаде целый год после землетрясения. Я проходил лекции и сам читал курс лекций в еврейском университете в Торонто по реабилитации после землетрясения на русском языке. Потом приехал обратно в Армению. Затем закончилась советская власть, и дефектология стала активно заниматься самообороной, потом началась война, и мы выехали в Россию.

А в России?

В России я приехал в Бийск, там открыл кафедру дефектологии, три года эта кафедра существовала, там было 5 аспирантов, все они защитились. Потом меня попросили открыть кафедру психологии в Челябинском госуниверситете, которому исполнилось 25 лет. Я получил лицензию, открыл две специальности по общей психологии и по специальной психологии, открыл в университете факультет психологии, возглавлял его 10 лет.

После этого приехал в Новосибирск к Василию Яковлевичу Синенко в НИПКиПРО и стал проректором по инновационным технологиям 8 лет. После смерти жены решил заниматься только преподаванием и ушел в педуниверситет преподавать. Вся жизнь – это преподавание, это диагностика, это поиск новых методов, поиск хорошего нормального отношения к этим детям.

У меня было 28 аспирантов, все защитились, все делали работы, связанные с невербальной семиотикой. Последние годы занимаюсь, в основном, интонационными проблемами голоса. Эта проблема должна решаться постоянно.

На какие аспекты изучаемой проблемы обращает особое внимание и считаете это важным в коммуникации?

Я считаю, что главным в коммуникации является интонирование. Можно интонацией убить человека, можно привлечь человека. Сам текст не имеет особо важного смысла, имеет значение, как ты интонируешь. И как это интонирование ложится на социальную структуру твоего поведения. Вот это очень важная проблема, которую многие просто не представляют себе, не знают и не хотят знать. На самом деле, я считаю, что проблема интонирования должна быть одной из важных проблем при обучении детей. Как педагог разговаривает со своими детьми: правильно или не-

Рис. 17. Виктор Эмиль Франкл (1905–1997), австрийский психиатр, психолог, философ и невролог, бывший узник нацистского концентрационного лагеря, известен как создатель логотерапии – направления в экзистенциальной психологии и психотерапии и как основатель третьей венской школы

правильно не в плане слов, а в плане интонирования. Хороший педагог, от природы хороший психолог, интонирует очень правильно. Я слышал лекцию В. А. Сухомлинского (рис. 18), в свое время, как он со своими детьми разговаривал. Он называл их «цветочки мои», «ромашечки мои», интонировал, относился, как к цветкам – вот в чем основной смысл преподавания: не в знаниях, а в отношениях. Считаю, что это очень важный момент, который мы упускаем из виду фактически всегда, а надо этим заниматься, хотя тема зыбкая, слабоуловимая, но ею надо заниматься все равно.

Рис. 18. Василий Александрович Сухомлинский (1918–1970), советский педагог-новатор, детский писатель, создатель педагогической системы, основанной на признании личности ребенка высшей ценностью, на которую должны быть ориентированы процессы воспитания и образования.
Участник Великой Отечественной войны

Кого бы Вы выделили из великих дефектологов, встретившихся на Вашем пути?

Для меня три великих дефектолога – это Хананий Самсонович Замский, Мария Семёновна Певзнер и Вера Георгиевна Петрова. И, конечно, Владимир Иванович Лубовский (рис. 19),

Рис. 19. Владимир Иванович Лубовский (1923–2017), советский и российский психолог, доктор психологических наук, профессор, академик РАО (1993; академик АПН СССР с 1989).
Участник Великой Отечественной войны

Татьяна Всеволодовна Розанова, Ульяна Васильевна Ульяenkova (рис. 20)

Рис. 20. Ульяна Васильевна Ульяenkova (1929–2013), советский, российский психолог, доктор психологических наук, профессор; Заслуженный деятель науки Российской Федерации, создатель оригинальной научной концепции изучения, обучения и воспитания детей с задержкой психического развития

– один из величайших умов. Это люди, без которых бы дефектология наша не стала продвигаться вперед, люди, глубоко преданные своему делу. И я помню все педагогические чтения, на которые мы приезжали (очень важные прибалты, не очень важные грузины и армяне) – мы жили в одной семье, и мы все занимались одним и тем же делом – мы обучали этих детей, которые требуют нашего внимания. Из наших, ныне живущих, современников я бы отметил Юрия Тимофеевича Матасова (рис. 21), моего близкого друга, философа олигофренопсихологии, он всегда философски относится к проблеме нашей науки, которую никогда не предавал. Если поставить в ряд великих деятелей современной науки, я бы назвал около 40 фамилий, без которых я не вижу дефектологии, среди этих людей действующие ученые Санкт-Петербурга, Москвы и Екатеринбурга.

Рис. 21. Юрий Тимофеевич Матасов, доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры олигофренопедагогики Института дефектологического образования и реабилитации РГПУ им. А. И. Герцена

Оганес Карапетович, что для Вас самое главное в науке дефектология, ценность которой неоспорима?

Человеколюбие. Больше ничего не надо. Надо этих детей просто любить. И проинтонировать.

А ведь просто любить – это же так сложно?

Это очень сложно.

А Вы имеете в виду безусловную любовь, по Э. Фромму?

Да, можно и так сказать. Когда ребенок чувствует, что ты его любишь, можешь ошибиться, он тебя всегда простит. Когда преподаватель относится к ребенку, как к своему родному – мать же прощает мы всегда. И этого преподавателя, который может ошибиться, тоже можно прощать всегда, потому что они относятся к детям, как к своим родным, как к близким, как к кровным родным. Если человек не относится к ребенку, как к кровному, родному, тогда лучше не заниматься преподаванием. Тогда это не преподавание, это отработка, отработка времени, на самом деле.

Оганес Карапетович, как Вы видите будущее современной дефектологии?

Она стала возрождаться. Я недавно заходил на сайт Института коррекционной педагогики: дефектология стала активно возрождаться. Это меня радует! Ведь был период, когда науку просто стали хоронить. Сейчас дефектология возрождается и сохраняет традиционные подходы к нашим детям. Это очень важно, потому что это наука традиционалистская. Мы можем помочь людям, занимающимся инклюзией, но наука должна при этом оставаться дефектологией, а мы все – в дефектологии.

Оганес Карапетович, что Вы можете пожелать тем студентам, которые учатся на дефектологическом направлении и потом собираются работать в этой области?

Я всегда об этом говорю: надо читать и думать. Читать, думать и уважать своих преподавателей. К сожалению, третья составляющая очень хромает. Надо читать, думать, относиться с большим уважением к тем людям, которые это все преподают, но не всегда это удается, к сожалению... Это процесс обоюдный, обоюдоострый, можно сказать. Если преподаватель относится к своим магистрантам, студентам некачественно, он быстро получит ответ плохой. А на самом деле, когда преподаешь, нужно забыть о том, что ты – важная фигура. Ты просто передаешь знания, их надо передавать с любовью. Все надо делать с любовью.

Люди, которые сейчас работают дефектологами – с детьми или взрослыми, где им черпать ресурс?

Они должны уповать на Бога и на будущее. Ресурс надо черпать в своей собственной энергетике и ни на кого не надеяться. Надо надеяться только на себя и на Бога. Это очень важные вещи. И не надо забывать: мы все Божьи дети. Об этом многие, к сожалению, забывают, но Бог быстро напоминает им об этом.

Спасибо огромное, Оганес Карапетович, за этот разговор и Ваш рассказ

...ничего особенного – обычная жизнь, когда много читаешь, любишь свою семью, любишь свою жену, своего ребенка (рис. 22), свое окружение, своих родителей, относишься ко всему очень положительно.

На самом деле, если к жизни относиться положительно, легче переносишь все невзгоды. Я к жизни отношусь достаточно положительно, чего и Вам всем желаю...

Рис. 22. Семья Агавелянов в Москве (70-е гг.): Оганес Карапетович, Рубен Оганесович (ныне доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры коррекционной педагогики и психологии Института детства ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет»), Валентина Сергеевна (1941–2006) – кандидат психологических наук, доцент, училась в Харьковской школе психологии у Владимира Петровича Зинченко, Людмилы Викторовны Чайновой, занималась состояниями, системой отслеживания сигналов психологии труда, работала в армянском филиале Института технической эстетики, инженерной психологии

P.S. С огромным чувством благодарности Оганесу Карапетовичу за все рассказанное. Он не придает значение своим заслугам, ни слова не сказал, что: Европейское научное общество отметило его вклад в науку, наградив его золотой медалью «Gold medal for exceptional achievements» (Бельгия); имеет звание Ветеран труда РФ; медаль «За вклад в развитие дефектологии»; грамоту Министерства образования и науки РФ; медаль «80 лет НГПУ»; медаль «За труд на благо города: Город. Труд. Доблесть» – все это, по словам Оганеса Карапетовича, – «ничего особенного»...

В конце разговора я задала вопрос: «*Что, по Вашему мнению, совесть?*» и получила удивительный ответ: «*Совесть – это отношение к живому...живое имеет право на жизнь...живое должно жить...*».

Интервью провела О. Ю. Пискун

P.S. Публикации, которые нам полезны:

1. Агавелян О. К. Социально-перцептивные особенности детей с нарушениями развития: монография. – Челябинск: [б. и.], 1999. – 357 с.

2. *Агавелян О. К., Агавелян Р. О.* Современные теоретические и прикладные аспекты специальной психологии и коррекционной педагогики. – Новосибирск: Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2004. – 413 с.

3. *Агавелян О. К., Агавелян Р. О.* Голос человека как психологический феномен. – Новосибирск: Новосибирский институт повышения квалификации и переподготовки работников образования, 2010. – 305 с.

4. *Агавелян О. К., Агавелян Р. О., Рюмина Т. В.* История специальной психологии: уч. пособие. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2013. – 184 с.

5. *Агавелян О. К., Агавелян Р. О., Агавелян М. Г.* Социальная олигофренопсихология: монография. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2018. – 118 с.